ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ А. А. БОРОВОГО (АНАРХО-ГУМАНИЗМ)

А. С. БЫСТРОВ*

Быстров Андрей Сергеевич, ассистент, аспирант кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье анализируются политико-правовые взгляды видного теоретика российского анархизма начала XX в. А. А. Борового. Его концепция, представляющая собой оригинальную систему воззрений на проблемы общественного устройства, рассматривается в контексте имеющихся классификаций анархистских течений с учетом историко-культурной динамики. Автором раскрываются предпосылки и генезис его специфического учения, которые в свою очередь позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на близость к индивидуалистическому крылу анархизма, его учение не поддается однозначной «научной маркировке». Раскрывая содержание взглядов А. А. Борового, автор подробно останавливается на самокритике анархизма, поскольку изложение взглядов преимущественно основано на противопоставлении современных ему господствующих антиэтатистских концепций. Именно с критических позиций А. А. Боровым были рассмотрены представители европейского и американского анархо-индивидуализма, переосмыслена «бунтарская» теория Бакунина, подверглось скептическому анализу учение Кропоткина. Вслед за идеологиями ученым активно критиковались «система государственного устройства» и институциональные политические формы, поэтому особое внимание в статье уделяется проблеме парламентаризма как института, где соревнуются, по мнению А. А. Борового, не национальные или общественные интересы, а лишь устремления нескольких наиболее активных групп населения. В статье также анализируется роль и суть права в системе его взглядов. Автором затрагивается не только содержание концепции анархизма А. А. Борового, но и развитие его воззрений, а также их связь с ключевыми событиями или философскими течениями конца XIX — начала XX в. Итогом работы становится вывод об актуальности учения А. А. Борового, научной востребованности взглядов теоретика анархизма на государство и право и о его значительном вкладе в наследие политико-правовой мысли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анархизм, право, индивидуализм, власть, государство, революция, личность, общество.

* Bystrov Andrey Sergeevich — assistant, postgraduate student, Department of Theory and History of Law, Law Faculty, National Research University “Higher School of Economics”.
E-mail: bystrov.andrew@gmail.com
© Быстров А. С., 2016

BYSTROV A. S. POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF ALEXEI BOROVOY (ANARCHO-HUMANISM)
The article discusses the political and legal views of Alexey Borovoy, a prominent Russian anarchist theoretician of the early 20th century. His philosophy, which represents an original system of views on social structure, is discussed in the context of the accepted classifications of the anarchist movements taking into account the historical and cultural development. The author describes the preconditions and genesis of Borovoy's unique philosophy which demonstrates that his position, despite its closeness to the individualist anarchism, cannot be confined to a single scientific category. In his analysis of Borovoy's views, the author gives a detailed review of Borovoy's self-criticism of anarchism, mainly based on the opposition of prevailing contemporary anti-state theories. Borovoy applied this critical approach to representatives of the European and American individualist anarchism, in reconsidering Bakunin's "seditious" theory and in his sceptical analysis of Kropotkin's doctrine. Apart from the ideologies, the scientist hotly criticized the "state structure" and institutional political forms. Accordingly, the article focuses on the issue of parliamentary system as an institution which, according to Borovoy, instead of being a venue for competition of national or public interests, is limited to rival ambitions of few most active population groups. The article also considers the role and essence of the law within the system of Borovoy's views. The author gives a detailed analysis of the anarchist theory developed by Borovoy, the evolution of his views and their connection with the key events and philosophic movements in the late 19th and early 20th centuries.
The resulting conclusion is that Borovoy's philosophy remains highly relevant and his theories on the state and the law are of great scientific importance. The anarchist theoretician has made a notable contribution to the legacy of political and legal thought.
KEYWORDS: anarchism, law, individualism, authority, state, revolution, personality, society.

Введение. «Анархизм есть главным образом создание русских»[1], — резюмировал в начале XX в. Н. А. Бердяев. Действительно, из всей плеяды отечественных общественных мыслителей по большому счету лишь теоретикам анархизма удалось внести значительный и очевидный вклад в наследие мировой политико-правовой мысли. Специфический власть-центричный характер российской государственности в качестве ответной реакции породил, помимо форм практического сопротивления (пугачевского бунта, восстания Разина, Октябрьской революции и т. д.), углубленную рефлексию тем свободы, самоуправления и антиэтатизма, вылившуюся в уникальные политические теории анархизма[2]. Ни марксистам, ни консерваторам, ни тем более либералам в России не удалось достичь того уровня оригинальности и новизны, который позволил российскому анархизму стать явлением мирового масштаба.

Вместе с тем при словосочетании «теоретик российского анархизма» даже большинству образованных людей на ум придет довольно немного фамилий: М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и, вероятно, Л. Н. Толстой (хотя в последнем случае литературный гений явно затмевает, пусть и не вполне справедливо, общественный авторитет). Бесспорно, перечисленные анар-

[1] *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб., 2008. С. 182.
[2] *Рябов П. В.* Философия постклассического российского анархизма — terra incognita // Преподаватель XXI Век. 2009. № 3. С. 290.

хисты широко известны не только в России, но и по всему миру. Глубокие мыслители и отважные революционеры, остро поставив актуальные и по сей день вопросы свободы личности, человеческого равенства и эксплуататорской сущности государства, они заняли достойное место в пантеоне крупнейших общественных фигур. Однако этот ряд нуждается в продолжении, так как в истории российской мысли есть имена, которые, несмотря на свой внушительный теоретический вклад и гражданскую смелость, сегодня оказались в тени признанных классиков. Речь о таких мыслителях, как А. А. Солонович, В. В. Налимов, А. Л. Гордин, и, конечно, одним из таких незаслуженно забытых героев российского анархизма, в чьем учении национальный фундамент соединился с европейской политической традицией, является Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — философ, педагог, одаренный музыкант[3], историк и литературовед, оказавший большое влияние на развитие отечественной юриспруденции, экономики и социологии[4].

Нельзя не отметить любопытную особенность российского анархизма — некий магнетизм, вовлекающий в орбиту соответствующих исследований энциклопедических личностей, чья сфера интересов и чье влияние выходили далеко за пределы политико-правовой философии. Князь Кропоткин получил всемирную известность не только как теоретик анархизма, но и как географ и специалист в области естественных наук; граф Толстой заслуженно считается классиком не только русской, но и мировой литературы; Бакунин являлся одним из главных революционеров-практиков, успевшим поучаствовать в парижских событиях 1848 г., Пражском восстании, Дрезденском бунте 1849 г. Талант Борового также не умещался в одной сфере — его деятельность и круг интересов были предельно разнообразны.

Предпосылки анархизма А. А. Борового. Приват-доцент Московского университета А. А. Боровой был ярким мыслителем, которому удалось пересмотреть классическую парадигму анархизма и дать оригинальное развитие этому учению. Примкнув к сторонникам антиэтатистских взглядов после визита в Европу и имея все возможности (и способности) для публичных выступлений, А. А. Боровой стал одним из самых видных пропагандистов анархистских идей. Его лекции и речи выдавали в нем талантливого оратора, неизменно собиравшего полные аудитории, чьим словом был восхищен даже Н. И. Махно, обычно скептически относившийся к «городским анархо-интеллигентам»[5]. Ключевой элемент творческого наследия Борового — работа «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм» (1906), первоначально

[3] В юности Боровой даже хотел стать профессиональным музыкантом, но увлечение общественной деятельностью помешало этому (подробнее см.: *Рябов П. В.* Музыка в миросозерцании Борового // Прямухинские чтения. 2010. М., 2012. С. 40–64).

[4] *Рябов П. В.* Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонианства) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 6. С. 23.

[5] *Махно Н. И.* Воспоминания. Книга II. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936. С. 58.

появившаяся также в виде лекции[6], которая стала первым легальным исповеданием анархизма в России.

Прежде чем приступить к аналитическому и критическому изложению концепции Борового, необходимо обратить внимание на то, какие философские влияния можно обнаружить в его системе взглядов. Взросление и становление Борового как мыслителя приходится на рубеж XIX и XX вв. — период крайне плодотворного взаимного влияния различных философских течений и политических идеологий.

Еще в студенческие годы Боровой увлекся марксизмом: это своеобразное «крещение» отмечал в дальнейшем и сам Алексей Алексеевич, указывая, что в концепцию экономического материализма он именно «поверил религиозно»[7], хотя следует сказать, что религиозность его активной и скептической натуре всегда претила. В это же время Боровой начинает публиковаться в московских газетах, преимущественно на экономические темы[8], но с его личной биографией происходит то же, что произошло с марксизмом в постреволюционной (относительно событий 1848–1849 гг.) истории Европы. Скептицизм, инициированный философией К. Маркса и Ф. Энгельса, обратился на их же работы, и мыслители нового поколения, такие как Ф. Ницше и А. Бергсон, заставили общество усомниться в догмах самого диалектического материализма и классового социализма.

Столкнувшись с необходимостью ревизии собственных взглядов, Боровой, едва перешагнув юность, оказывается в тяжелом духовном кризисе. Его марксистские верования превращены в руины, а учение Ф. Ницше, сыгравшее в этом ведущую роль, оказалось бессильным выполнить вторую часть необходимой задачи — предложить молодому ученому созидающую альтернативу. Философа посещают тревожные мысли о самоубийстве; выйти из этого состояния ему позволяет командировка в Европу[9], где в 1904 г. его первоначальные увлечения — марксизм и ницшеанство — уступают место анархизму.

«Никто меня анархизму не учил, не убеждал, не заражал, — вспоминал он много позже. Неожиданно, из каких-то неведомых глубин, во мне родилась разом огромная, оформленная, просветляющая, единая мысль. С необыкновенной отчетливостью, побеждающей убедительностью во мне проснулось чувство нового для меня мироощущения. <…> Со скамьи Люксембургского сада я встал просветленным, страстным, непримиримым анархистом, каким остаюсь и по сию пору»[10], — так в своих мемуарах десятки лет спустя описывал Боровой тот момент своей жизни, когда его знакомство с политической философией безвластия ограничивалось лишь работой П. Эльцбахера «Анархизм».

---

[6] Она была прочитана 5 апреля 1906 г. в Историческом музее в Москве.

[7] *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания // Человек. 2010. № 3. С. 141.

[8] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 2–4.

[9] В период 1903–1905 гг. Боровой находился в странах Западной Европы, где работал над диссертацией «История личной свободы во Франции», защите которой впоследствии не позволили состояться представители партии кадетов — за излишний, по их мнению, радикализм.

[10] *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. С. 137.

Первым мыслителем после упомянутого «откровения», идеи которого оказались созвучны его анархическим чаяниям, стал немецкий крайний индивидуалист И. К. Шмидт (Макс Штирнер), «взрывчатую силу» которого Боровой видел «в апофеозах неограниченному “я”» и «в железной логике “эгоизма”»[11].

Будучи сотрудником московского модернистского журнала «Перевал» в годы первой русской революции, Боровой особенно подчеркивал связь своих убеждений с актуальными течениями европейской философской и политической мысли. Он указывал, что его образ мысли «революционизировал» Ницше, который «подготовил» его «штирнерианство». Влияние обоих немцев заметно и в стилистической части творчества Борового: его теоретические труды начала XX в. полны цитат и ссылок на Ницше, а в области эстетической преемственности очевидно следование канону Штирнера с его подчеркиванием «единственного».

Романтический же пафос в работах Борового обязан своим происхождением не столько немецким «эгоистам», сколько другому известному западному мыслителю, к анархизму, впрочем, имеющему гораздо меньшее (в отличие от Штирнера и Ницше) отношение. Речь идет о Ж.-Ж. Руссо, в творчестве которого антицивилизационный бунт, опровергающий многие либеральные ориентиры, также окрашен «интуитивным», естественным поиском. Несмотря на критическое отношение к творчеству французского классика, Боровой частично заимствовал у него иррационалистические философские предпосылки, развитые и углубленные русской и европейской литературной традицией — Пушкиным, Гете, Достоевским[12]. В антипарламентской риторике Борового также ярко прослеживаются тезисы, восходящие еще к аргументам Руссо[13]. Среди соотечественников собственную анархическую генеалогию Боровой главным образом возводит

---

[11] *Боровой А. А.* Моя жизнь: Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 96.

[12] Среди писателей Ф. Достоевский занимал особое место в ряду повлиявших на мировоззрение Борового. В конце своего творческого пути Боровой написал о нем книгу, неопубликованная рукопись которой находится в РГАЛИ (ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 113). «Значительнейший ум и любимейший мыслитель» — необходимо отметить, что такое признание анархистом Достоевского было актом определенного гражданского мужества, поскольку Федор Михайлович был не в фаворе у правоверных анархистов, а в СССР в то время, ко всему прочему, была развязана борьба против «достоевщины» как реакционного мировоззрения (см.: *Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 231). Боровой также утверждал, что в творениях Достоевского отразились взгляды Штирнера (см.: *Боровой А. А., Отверженный Н.* Миф о Бакунине. М., 1925. С. 139–140).

[13] Боровой отвергает осуществление власти через представителей — вслед за апологетом прямой демократии Ж.-Ж. Руссо, который считал, что суверенитетом, т. е. правом законодательствовать, обладает только народ: «Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным — он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны — он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился.

Понятие о Представителях принадлежит новым временам; оно досталось нам от феодального Правления, от этого вида Правления несправедливого и нелепого,

к «гениальному мыслителю и вождю» — М. А. Бакунину, к которому он испытывал «чувство глубокой любви и восторженного преклонения»[14], считая его «абсолютным и непререкаемым образцом для подражания»[15]. У него Боровой перенимает не только бунтарскую эстетику, но и прославление жизни, культ человека, критику сциентизма, а также романтическое представление о самом мире политического.

Вернувшийся в Россию Боровой публикует уже упомянутую нами классическую работу «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм». Здесь теоретические построения ученого созвучны критическим традициям анархизма, основанным на противопоставлении последнего доминирующим в Европе течениям и идеологиям. «Философия либерализма, — пишет Боровой, — есть философия привилегированных классов, социализм есть философия исстрадавшегося пролетариата...»; анархизм же есть «философия пробудившегося человека», «центральной идеей» которой выступает «конечное освобождение человеческой личности»[16]. Освобождение это заключается в постепенном устранении всех навязанных норм и формальных бессодержательных ограничений, связанных с надличностными образованиями и институтами: критикует Боровой и «народ» Руссо, и объективизм Конта, и классовую теорию Маркса, проявляя себя едва ли не номиналистом, отрицающим объективированные общности и образования. Позже Боровой отойдет от резких индивидуалистических позиций[17], пока же связь с ницшеанством и творчеством Штирнера заявляет о себе во весь голос.

Эволюцию взглядов Борового и ее теоретический фундамент можно представить в виде своеобразной гегельянской метафоры и даже диалектической триады: сначала Алексей Алексеевич заявил некий марксистский «тезис», затем появилось отрицание последнего в виде индивидуалистической постштирнеровской философии, после чего был сформулирован «синтез», в который окажутся включены уже работы персоналистов, синдикалистская практика и творчество Бергсона.

Последнее из фундаментальных основ учения Борового — бергсонианство, которое «было величайшим... философским увлечением» и «четвертым после “диалектического материализма”, “ницшеанства”, “бакунизма”»[18], — войдет в его творчество в начале 1910-х годов, когда он вновь окажется во Франции, на этот раз в вынужденной эмиграции,

при котором род человеческий пришел в упадок, а звание человека было опозорено» (*Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М., 1998. С. 281).

[14] *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. С. 152.

[15] *Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой и Александр Иванович Герцен // Прямухинские чтения. 2012. М., 2013. С. 178.

[16] *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906. С. 45.

[17] Впоследствии, развивая свое оригинальное учение и уходя от жестких индивидуалистических конструкций, он напишет: «Штирнерианство — бесплодное блуждание в дебрях опустошенной личности, ницшеанство — скорбный клик героического пессимизма».

[18] *Рябов П. В.* Анархическая философия А. Борового (из истории русского бергсонианства). С. 1.

спасаясь от самодержавного правосудия[19]. В Париже формирование концептуального стержня философии Борового завершится. Несмотря на то что некоторые исследователи справедливо отрицают сам факт наличия строгой системности в его убеждениях («философствование Борового подчеркнуто антисистемно, интуитивно, опирается на мыслеобразы. Его духовный опыт часто опережал рефлексию, чувства были первичны, а их осмысление — вторично»[20]), творчество Бергсона позволило произвести окончательный «синтез», замкнув диалектическую триаду. Почерпнув у французского интуитивиста идеи свободы и жизненного творчества, иррационалистские и персоналистские мотивы, Боровой соединил их с последовательной борьбой за освобождение человеческой личности, опираясь на уже имеющиеся достижения даже конфликтующих идеологий и конструкций — от либерализма до классовой организации. Итоговым результатом «синтеза» окажется философия анархо-гуманизма.

Учение А. А. Борового в контексте основных анархических течений. Профессиональная исследовательская среда в современной России находится только в начале пути осмысления творческого наследия А. А. Борового, поэтому внутри нее нет устоявшегося мнения относительно классификации его взглядов и единогласного причисления философа к какому-либо из течений внутри самого анархизма. Действительно, довольно затруднительной является задача концептуализировать взгляды антирационалиста и антисциентиста, постулирующего главенствующую роль свободы личности и одновременно призывающего к широкому использованию синдикалистской тактики. Не способствует ясности и тот факт, что архив А. А. Борового в РГАЛИ до 1989 г. находился в режиме специального хранения, и до сих пор его материалы, даже хорошо сохранившиеся, не опубликованы и не оцифрованы (речь, среди прочего, не только о философских произведениях, но и о дневниках и мемуарах). Учитывая подобные методологические сложности вкупе с обращением к наиболее распространенной темпоральной классификации анархистских взглядов, Борового, по общему мнению, рассматривают как «крупнейшего теоретика постклассического анархизма»[21].

Профессор С. Ф. Ударцев относит концепцию Борового к направлению *неклассического* анархизма постклассического периода, определяя

---

[19] «Лекционная деятельность моя вскоре подверглась ограничениям со стороны администрации. <…> Был дважды арестован и устранен от лекторской деятельности на курсах и от преподавания в коммерческих училищах. В 1911 году покинул университет, мотивируя свой уход не солидарностью с либеральной профессурой, а вторжением полиции в университет. Одновременно был привлечен к судебной ответственности за политические брошюры и идейное руководство издательством “Логос”. Ввиду угрожавшей крепости эмигрировал за границу и поселился в Париже» // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 838. Л. 9 (*Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 224).

[20] *Рябов П. В.* Анархическая философия А. Борового (из истории русского бергсонианства). С. 3.

[21] *Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист. С. 235.

его в рамки отдельного течения — анархизма-гуманизма[22]. С последним утверждением соглашается в своих работах Д. И. Олейников[23]. Это выглядит вполне оправданным, поскольку даже глава IX одной из центральных работ Борового «Анархизм» имеет соответствующее название: «Анархизм как общественный идеал (анархо-гуманизм)». Ударцев, правда, одновременно с этим вводит и отдельные категории анархо-индивидуалистов и анархо-синдикалистов, относя их к другой ветви (относительно Борового) постклассического анархизма — *неоклассической*. При этом сам Боровой, помимо бесчисленных реверансов в сторону индивидуализма, уже в одной из первых книг указывал на «революционный синдикализм» как дорогую ему концепцию, в 1918 г. с известным анархо-синдикалистом Д. И. Новомирским совместно выпускал газету «Жизнь»[24], возглавлял Московский союз идейной пропаганды анархизма вкупе с другими анархо-синдикалистами, а также был главным редактором в анархо-синдикалистском книгоиздательстве «Голос труда». В связи с этим такое далекое разнесение концепции Борового по отношению к другим, очевидно созвучным ему направлениям, да и вообще столь активное обнаружение самостоятельных течений в среде относительно скромного количества анархических теоретиков начала XX в. выглядит по меньшей мере дискуссионным. Очевидно, что бесконечное разветвление видов анархизма делает малопродуктивным любое обобщение, поэтому понятно стремление некоторых исследователей отнести взгляды Борового к крупным школам анархо-синдикализма или анархо-индивидуализма.

Пытаясь разрешить проблему характеристики взглядов А. А. Борового, историк И. В. Аладышкин в своей диссертации причисляет его именно к индивидуалистической школе, полагая, что партнерство — как публицистическое, так и в определенной степени теоретическое — с синдикализмом было для Борового преимущественно тактическим ходом. «Здесь необходимо четко провести линию разграничения: революционный синдикализм затрагивает в первую очередь вопросы тактики, это программа действия, — пишет Аладышкин, — в то время как анархо-индивидуализм — это философия, причем в самом широком смысле слова, определяющая мировоззрение человека с общими вопросами его места и роли в окружающем мире. Поэтому увлечение синдикализмом не противоречит анархо-индивидуалистическому мировоззрению Борового, а лишь дает ответы на вопросы тактики революционной борьбы»[25]. С данной позицией солидаризируется и историк В. В. Кривенький[26].

---

[22] *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность: дис. ... д. ю. н. М., 1992. С. 164.

[23] *Олейников Д. И.* Анархо-гуманизм Алексея Борового // Община. 1991. № 49. С 3.

[24] *Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист. С. 225.

[25] *Аладышкин И. В.* Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX — первой декады XX века: по материалам гг. Москвы и Санкт-Петербурга: дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 2006. С. 95.

[26] *Кривенький В. В.* Анархисты // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 218.

Однако в большинстве содержательных моментов все-таки уместно скорее обособлять позицию Борового, чем пытаться вместить ее в ограниченную традиционную типологизацию. К примеру, философ П. В. Рябов, посвятивший множество своих исследований Боровому, стараясь воздерживаться от жесткой политической маркировки взглядов последнего, косвенно не отрицая его близости к анархо-индивидуалистическому направлению[27], считает при этом наиболее подходящим определением формулировку «романтический анархизм». «Анархизм Борового как философа, развивавшегося в общем потоке неоромантической культуры через философию жизни к экзистенциализму, вернее всего было бы назвать романтическим анархизмом. Это название намного точнее, интегральнее и содержательнее всех иных традиционно навешиваемых на него ярлычков, ибо он синтезировал в своей теории анархо-индивидуализм с его апофеозом личности и анархо-синдикализм с либертарно-социалистической программой и апологией массового самоуправляющегося движения трудящихся, распространив синдикалистские идеи и методы на борьбу "трудовой интеллигенции" за свои права»[28].

Сам Алексей Алексеевич в одной из своих ранних работ разделял эти элементы следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. **Сравнение синдикализма и анархизма**[29]

	Синдикализм	**Анархизм**
Интегрирующее начало: отрицание государства, признание свободы личности, отрицание парламентаризма, признание допустимости революционных средств		
Центральная линия	Социальная самоорганизация на основах отсутствия организованной власти и насилия	Индивидуальное освобождение
Сопротивление угнетению	Через пролетарское движение	Через самоопределяющуюся личность
Историческая линия	Продукт распада капитализма	Внеисторические коннотации с естественным правом
Радикальность средств	Не допускается террор	Террор допускается

[27] *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. URL: http://www.dissercat.com/content/problema-lichnosti-v-filosofii-klassicheskogo-anarkhizma (дата обращения: 15.05.2016).

[28] *Рябов П. В.* Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник. 2011. М., 2012. С. 422.

[29] *Боровой А. А.* Революционное творчество и Парламент (революционный синдикализм). 2-е изд. М., 1917. С. 80.

Общая оценка взглядов А. А. Борового затрудняется как минимум тремя обстоятельствами. Во-первых, число академических исследований, посвященных системному анализу его творчества, относительно невелико, причем с собственно политико-правовых позиций такой анализ проводился с серьезными ограничениями. Во-вторых, за почти 40 лет своей творческой деятельности Боровой, как уже было подчеркнуто, неоднократно подвергал свои взгляды определенной ревизии: пройдя путь от диалектического материализма до развития концепции Бергсона, он не мог обойти стороной политическую составляющую каждого из учений. Возможно, именно поэтому даже в собственных высказываниях Боровой подчеркивал третий и наиболее существенный фактор, затрудняющий классификацию его концепции, — а именно неразрешимый антагонизм личности и общественности, из которого неизбежно вытекает отрицание возможности конечного общественного идеала. «Конструирование “конечных” идеалов, — пишет он, — антиномично духу анархизма»[30]. Последний тезис, в свою очередь, свидетельствует об уклонении от формирования четкого и детального «образа будущего».

Общие положения анархизма в представлении Борового при первом рассмотрении кажутся также довольно пространными и даже апофатичными, направленными на отрицание. «Несмотря на непримиримые противоречия между отдельными течениями анархистской мысли, — указывает он, — есть своеобразная программа-минимум... в ряду этих принципов отрицание власти, принудительной санкции, а следовательно — всякой организации, построенной на началах централизации и представительства... отрицание права и государства... отрицание политических форм борьбы, демократии и парламентаризма... отрицание капитализма»[31].

Также стоит отметить и тот факт, что при изложении собственных взглядов Боровой уделяет большое внимание критике современных ему концепций анархизма. Именно с критических позиций им рассмотрены представители европейского и американского анархо-индивидуализма (от Штирнера до Такера), переосмыслена «бунтарская» теория Бакунина, скептическому анализу подвергается учение Кропоткина: «Даже в произведениях выдающихся представителей анархической доктрины мы будем поражены слабостью теоретической аргументации... В этих книгах, писанных кровью сердца, нет той неумолимой логики фактов, которая не только трогает, но и убеждает»[32].

Основой для подобной «самокритики анархизма» в работах Борового выступает не до конца преодоленная, по мнению Алексея Алексеевича, склонность анархических мыслителей (преимущественно Кропоткина) к устаревшим категориям мышления и риторике. Несмотря на то что сам Боровой призывал к своего рода «полезному» нигилизму, преодолева-

[30] *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. Пг.; М., 1920. С. 41.

[31] *Боровой А. А.* Анархизм. М., 2011. С. 19.

[32] *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. С. 68.

ющему изжитое, но не уничтожающему его под корень, в трудах своих современников он видел своеобразные «идолы театра»[33] — обращение к отслужившим истинам и аксиомам, когда-то выполнявшим прогрессивные функции, но перевоплотившимся в консервативные и ригидные «интеллектуальные шоры».

Главным образом это относится к теории Кропоткина, его исторической концепции — взглядам на возникновение государства и идеализации «всякой коммуны, на какой бы низкой ступени она ни стояла»[34]. Боровой отрицает такое понимание, указывая, что «в отдельных догосударственных формах мы найдем ту же способность убивать свободную личность и свободное творчество, как и в современном государстве. И конечно, — заключает он, — у государства, играющего в изложении Кропоткина бессменно роль гробовщика свободного общества, были причины появления более глубокие, чем рисует Кропоткин. Общество истинно свободных людей не может породить рабства, истинно свободная коммуна не привела бы к рабовладельческому государству»[35].

В этом почти механистическом преклонении Кропоткина перед массами, которые тот наделяет исторической субъектностью в противовес личности, Боровой видел оправдываемый некоей сциентистской логикой риск ущемления индивидуальных начал: «Личность, как самостоятельный творческий агент истории, прямо стирается… пред тем, что может быть названо истинным центром его [Кропоткина] анархистского мировоззрения, властителем его социологических дум — творческой ролью масс»[36].

Критика Боровым концепции Бакунина проходит в основном через подчеркивание неизжитых рационалистических суждений последнего[37]. Оказывая своеобразную помощь революционеру в снятии такого противоречия между «антинтеллектуализмом» и «разумностью» его философии, Боровой пытается не столько дистанцироваться, сколько развить важные, по его мнению, теоретические допущения предшественника. В Бакунине он ищет союзника по тезису о невозможности постулирования конечного анархического идеала как стройной и устойчивой структуры. «Мысль о невозможности конечного анархического идеала, мысль о “перманентной революции” должна, по моему убеждению, быть естественным выводом из общей философской концепции Бакунина»[38], — пишет Боровой, указывая на суть историософии именитого революционера в виде последовательного отрицания животности в человеке и утверждения в нем человечности. Иными словами, анархизм не может выступать ни в качестве некоторого статичного ориентира, достижение которого представляет

[33] Понятие, введенное Фрэнсисом Бэконом и означающее совокупность авторитетов и доктринальных по своей природе ссылок на «доказанные истины», воспринимаемые некритически.

[34] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 66–67.

[35] Там же. С. 67.

[36] *Боровой А. А.* Проблема личности в учении П. А. Кропоткина. Пг.; М., 1922. С. 33.

[37] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 62–64.

[38] *Боровой А. А.* Михаилу Бакунину (1876–1926): Очерки истории анархического движения в России: сб. статей. М., 1926. С. 137.

собой воображаемую цель человеческого развития, ни в виде непрерывного «отрицания ради отрицания» — анархизм есть руководство, путь к освобождению человека. «Общественный процесс... есть процесс непрестанного самоосвобождения личности через прогрессирующую же общественность... Анархизм строит свои утверждения на новом понимании личности, предполагающем вечное и антагонистическое ее движение», — пишет Боровой.

Вероятно, по той же причине «асимптотичности» анархизма осуждения заслуживает и «штирнеровский нигилистический индивидуализм с его абсолютистскими замашками»[39], который приводит «к вырождению и самоотрицанию» анархической концепции. Боровой, несмотря на объявление анархизма апофеозом личного начала, отдельно указывает, что между абсолютным индивидуализмом и анархизмом есть базовое отличие — и состоит оно в принципе ответственности, поскольку «второе — социальная деятельность, влекущая моральную ответственность»[40]. Таким образом, анархизм не освобожден от моральной ответственности и связанных с ней вопросов.

«Анархизм есть также культ человека... но анархизм не делает из эмпирического “я” центра вселенной. И если абсолютный индивидуализм стремится утвердить только свободу данного конкретного “я”, анархизму дорога свобода всех “я”, дорога свобода человека вообще»[41], — заключает философ.

Обобщая, можно сказать, что концепция А. А. Борового базируется на отрицании сциентистского понимания анархизма и механистического материализма, традиционных для коллективистских концепций. Интуитивизм, представление об анархизме как вере, акцент на роли и влиянии личности вплоть до признания в индивидуальном «начала, конца и смысла бытия» — все это представляется достаточно синкретическим соединением позиций Бергсона, Бакунина, Штирнера и Толстого, однако синкретизм нивелируется намеренным отказом в конструировании конкретной «позитивной программы» анархизма.

Подобный «самокритичный» в отношении анархизма подход еще более затрудняет классификацию концепции самого Борового.

Исследователи подчеркивают, что философию анархизма Борового, вне зависимости от ее именования, можно выстраивать, отталкиваясь от трех основных тезисов: «антирационализма» (апологии жизни), индивидуализма (апологии личностного освобождения и роста) и «активизма» (апологии действия)[42]. Эти три столпа связаны между собой, поскольку центром миросозерцания анархиста является личность, последовательное высвобождение которой от «надзирателей и надсмотрщиков» возможно

[39] *Боровой А. А., Отверженный Н.* Миф о Бакунине. С. 140.
[40] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 10.
[41] Там же. С. 18.
[42] *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. URL: http//www.dissercat.com/content/problema-lichnosti-v-filosofii-klassicheskogo-anarkhizma (дата обращения: 15.05.2016).

лишь посредством активного самоопределения и права на выявление индивидуальных особенностей, пусть даже и посредством совместных действий с подобными себе единомышленниками[43]. Иными словами, ради жизненного высвобождения человека, возможного только через индивидуалистически поставленные цели, Боровой и рекомендует обращаться к «активизму»[44], в пределах которого уже возможны и синдикалистские начала.

Апология жизни и действия выражается еще и в том, что анархизм в представлении Борового является принципиально динамическим миросозерцанием, основанным на допущении непрерывности развития и человеческой природы, и мира как такового; при этом анархизм интуитивно свойствен личности и потому является не позитивным идеалом определенной группы, а универсальным горизонтом развития всего человечества. Высвобождение же личности не мыслится каким-то возвратом в мифический «золотой век» или неким волшебным преобразованием человеческой природы. Напротив, Боровой утверждает: «Исторический прогресс есть в то же время прогресс личности»[45]. Несмотря на присущий его философии революционный пафос, он не постулирует тотальное «отбрасывание» иных учений и идей. Боровой готов адаптировать освободительные мотивы из «общественных идеалов» либерализма и социализма, которые «выросли как живой протест личности против разнообразных форм гнета и насилий предшествовавших общественных образований»[46]. То же происходит в отношении рационализма: в представлении Борового и рационализм, и либерализм, и социализм были в свое время «освободителями», но спустя годы превратились в инструмент угнетения и «закрепощения» личности. Отталкиваясь от этого положения, Боровой отмечает: «Царству абсолютной хозяйственной независимости человека — а следовательно, его полной эмансипации — должен предшествовать социалистический строй»[47]. Как нельзя было «перескочить либерализм и буржуазные формы хозяйства», так и в последующем движении общества к анархизму нельзя обойтись без этапа социалистических преобразований, многие из которых будут непременными элементами фундамента общества будущего. «Всякий последовательный анархист, — продолжал Боровой, — должен не бороться против надвигающегося социалистического строя, а, наоборот, жаждать его приближения, ускорить его наступление, чтобы затем биться с ним в последней борьбе»[48]. Динамичность концепции Борового и признание им логики политического прогресса бросают серьезный вызов

[43] *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. С. 18.

[44] Из-за своей активности в 1911 г. он был вынужден покинуть страну в связи с реакционной политикой властей, а много позже, в 1927 г., был сослан в Вятку, где сменил московскую музейно-организаторскую работу на должность экономиста Вятского смоллессоюза.

[45] *Боровой А. А.* Революционное миросозерцание. М., 1907. С. 54.

[46] *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. С. 59.

[47] *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. С. 81.

[48] Там же. С. 88.

распространенным постулатам, которые неоправданно представляют анархизм как редукционистское, регрессивное и исключительно разрушительное начало[49].

Стоит вновь подчеркнуть, что в определенной степени проблема освобождения человека является для Борового неразрешимой, а развитие человечества представляется постоянным чередованием двух типов мировоззрения. По мнению мыслителя, в жизни поочередно берет верх то утилитарное начало (условно «соглашательское»), то революционный дух; преобладание второго позволяет проводить «коррекцию общественного сознания», которую С. Ф. Ударцев обозначал в качестве сути анархизма Борового[50]. Однако внимание к революционному духу еще раз иллюстрирует свойственное «анархо-гуманизму» противоречие: ведь революционер жертвует своим «сегодня» ради высоких (и, как мы уже подчеркнули, в чем-то недостижимых) общественных идеалов, а с позиций традиционного индивидуалистического подхода такая жертвенность может быть не вполне оправданна. Боровой призывает жертвовать собой во имя идеала, человеком — ради освобождения человечества («Шествие революционера, как смертоносно бы оно ни казалось, освящено и согрето лучами той правды, которой он служит, и истинное человеколюбие всегда на его стороне, ибо он служит идеалу, стоящему над мечтаниями и желаниями сегодняшних людей…»[51]); критикуя в «Общественных идеалах» риторику «общего блага», в «Революционном миросозерцании» Боровой де-факто к ней же и возвращается, воплощая главный парадокс своей теории — неизбывное противоречие между личностью «в себе» и личностью в обществе.

Проблема власти, государства и права в теории анархо-гуманизма. Базовые положения политико-правовой концепции А. А. Борового по преимуществу отталкиваются от противопоставления его анархистских воззрений господствующим в то время в Европе взглядам и политическим теориям.

Подвергая пересмотру имеющиеся политические проекты, Боровой утверждает: анархизм есть «постоянное, непрерывное, ни извне, ни изнутри (ни со стороны прогрессивных явлений жизни, ни со стороны внутреннего состояния сознания) не ограничиваемое движение к общественным формам, не знающим насилия, в которых нет иных препон к последовательным, расширяющимся творческим исканиям, как в ясном сознании ненарушимости прав другого на творческое самоопределение»[52]. «Философия пробудившегося человека», таким образом, оказывается глубоко критичной по отношению к привычным формам коллективной деятельности, основанным на применении власти и насилия, препятствующих,

[49] См., напр.: *Мамут Л. С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. М., 1989. С. 192.

[50] *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. С. 416.

[51] *Боровой А. А.* Революционное миросозерцание. С. 25.

[52] *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. С. 42.

в свою очередь, «конечному освобождению человеческой личности»[53]. Творческие искания и самоопределение личности, по представлению Борового, требуют последовательного диалектического упразднения всех современных человеку институционально-правовых ограничений вне зависимости от того, апеллируют ли они к «общей воле» Руссо, позитивистским истинам Конта или классовым диспозициям пролетариата и буржуазии.

Эта критика общественно-политических по своей природе начал находит наиболее полное выражение в работе «Анархизм» (1918), где Боровой приводит своеобразное резюме своим обвинениям в адрес коллективизма и его возможным оправданиям, которые могут подталкивать в том числе к синдикалистской интерпретации анархизма. Он последовательно выдвигает следующие тезисы (табл. 2).

Таблица 2

Обвинения	Оправдания
— все исторически известные общественные формы угнетали и ограничивали личность; — общественные цели на практике примитивнее индивидуальных; — гнет общественных проблем лишает личность возможности полноценно обратиться к своей частной жизни; — коллективизм ограничивает поиск истинности, так как мерилом последней становится общественная санкция; — в коллективе личность ограничивает масштабы собственной ответственности; — у общества отсутствует подлинная реальность	— существование личности вне человеческого общежития попросту невозможно; — сообщение с другими есть неизбежный продукт неискоренимого инстинкта самосохранения; — в большом социальном круге человек обладает большими возможностями для самореализации; — социальное взаимодействие порождает действенные нравственные идеалы; — даже гениальность человека взращивается в общении с другими

Эти аргументы, в чем-то связанные с современными Боровому политическими дискуссиями (в частности, реалистов и номиналистов относительно «реальности» и «номинальности» общества), тем не менее и сегодня делают концепцию «анархо-гуманизма» актуальной. Предпоследнее «обвинительное» соображение Борового, к примеру, получило развитие в социальной психологии второй половины XX в., когда эффект Рингельмана (потеря индивидуальной мотивации в коллективной работе) был подтвержден многочисленными экспериментами, вплоть до эффекта свидетеля и диффузии ответственности. Вместе с тем Боровой последовательно критиковал не только «коллективную психику» и коллективную же правду, оборачивающуюся искусственным порабощением человеческой личности.

[53] *Боровой А. А.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. С. 45.

В том же «Анархизме» Боровой обрушивается и на русскую общину (за «воспитание рабов»), и на обозначившееся контрреволюционное «социалистическое самодержавие», не приблизившее подлинное освобождение личности. Вторя многим своим современникам, от Д. С. Мережковского до Х. Ортеги-и-Гассета, Боровой замечает, что не лучше мнимых революционеров вели себя и представители буржуазно-рационалистического лагеря, которые со временем подбили «естественное право» под себя и вывели из него усредненного хозяйственного человека, движущегося только по хищническим собственническим законам, а не к целям духовного роста, освобождения и саморазвития. Боровой замечает: если социализм и либерализм могут декларировать первичность личности, то на деле они создают такие формы и институты политического процесса, которые неизбежно вступают в конфликт с отдельным человеком.

Вслед за идеологиями анархистом активно критикуются «система государственного устройства» и институциональные политические формы, существующие внутри этого устройства, опосредованные и гарантированные им. Более прочего обсуждается и осуждается парламентаризм как институт, где соревнуются не национальные или общественные интересы, а лишь устремления нескольких наиболее активных групп населения. Боровой пишет: «Парламент далеко не есть слуга народа, оберегающий его вольности против тиранических поползновений правительства, а есть сам — правительство, сам — орган государственной власти»[54]. Таким образом, Боровой полагает парламент и представительство не отдельными институтами специфической ветви власти, а полноценной частью единого государственного механизма, который не должен иметь самостоятельного политического веса, будучи лишь обязан решать общественные проблемы, но на деле превращается в диктатора. «Конституционное правительство наших дней является безответственным деспотом, неограниченным владыкой, перед которым стирается в прах “народная воля”, представляемая парламентом, и который разливает благодеяния вдохновляющему классу, беззастенчиво угнетая в то же время другие группы»[55], — пишет Боровой, тем самым сталкивая интересы личности и формально зафиксированные в общественной практике институты, являющиеся лишь способом угнетения. «Партия становится аппаратом приспособления к государственно-правовому строю»[56], — указывает Боровой и называет такую форму самоорганизации инструментом буржуазно-капиталистической социализации, инструментом адаптации к «однородной дисциплине» существующего строя. Исходя из этой важной посылки, Боровой демонстрирует неприятие партийной борьбы (в силу ее постоянной направленности на парламентаризм) и даже подвергает сомнению сам тезис о возможности «народовластия» в конструкции представительной демократии: «Руссо совершенно прав: нельзя желать за другого, столь же мало, прибавим

[54] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 89.
[55] Там же. С. 90.
[56] Там же. С. 92.

и мы, как нельзя за другого есть или пить»[57]. Критика «народовластия» совпадает и с еще одним весьма актуальным тезисом: Боровой обвиняет либеральную политику в лицемерии, поскольку она закрывает глаза на несправедливость и рабство других, растворяясь в самообмане парламентских процедур и расширении политических прав для незначительного меньшинства буржуазии. «Вся парламентская жизнь, — пишет Боровой об одном из центральных для либерализма понятий, — построена на подкупе, насилии и лжи»[58]. Актуальность и проницательность критики представительной демократии с анархических позиций как нельзя лучше проявилась спустя совсем короткое время, когда в ряде европейских стран вполне парламентским способом власть была захвачена силами, исповедующими тоталитарную идеологию. Прогрессивное преодоление порочного характера парламентаризма Боровому видится в «новых формах законодательства» — «учредительном конвенте» и «непосредственном голосовании».[59]

Однако главным врагом для анархизма и человеческой личности является не только парламентаризм, но и весь государственной строй как таковой. Вслед за Ницше нарекая государство «самым холодным чудовищем», Боровой подчеркивает классовую и агрессивную природу этого социального феномена[60].

Он несколько расширяет границы понимания «государственности», сразу по ряду позиций вступая в заочную полемику с Кропоткиным. Боровой утверждает, что государство есть плод целого ряда факторов, куда входят и завоевание, и становление общественной культуры, и солидаризация людей, формирующих сообщества нового уровня; также он отмечает, что государство, несмотря на историческую свою необходимость, быстро перевоплощается во властный институт, стремящийся захватить и подчинить иные формы самореализации[61]. Как и предшествующие этапы развития человека, государство выполняет полезные функции, но не останавливается на реализации этого утилитарного начала.

«Государство, порочное по существу, в самом себе автоматически несет и лечение против исторического зла. Государство обречено на гибель, оно должно исчезнуть, ибо самым существованием своим оно будит чувства протеста, воспитывает бунтарей, подготавливает революцию»[62], — пишет Боровой, вслед за Бакуниным применяя к государству типичную риторику диалектического материализма о «снятии» (*Aufhebung*). При этом анархический проект Борового не предполагает избавления от такого феномена социальной жизни, как право, — проблема может заключаться лишь в тех основаниях, на которых право должно быть устроено. Дело действительно в перерождении нравственно-духовном, даже психическом.

---

[57] *Боровой А. А.* Революционное творчество и Парламент (революционный синдикализм). 2-е изд. М., 1917. С. 19.
[58] Там же. С. 30.
[59] Там же. С. 28.
[60] *Боровой А. А.* Моя жизнь. Воспоминания. С. 148.
[61] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 136–137.
[62] Там же. С. 160.

Государство, по мнению Борового, в какой-то момент начинает воспроизводить власть не дисциплинарно, а психологически. Она сначала мыслится как смысловая конструкция, а уже позже к такому воспроизводству заново подключаются сложные институциональные и нормативные системы; в какой-то степени это допущение анархизма Борового предвосхищает куда более поздние разработки Мишеля Фуко в рамках дисциплинарной теории власти: «Первое понятие власти предполагает стихийное, неосознаваемое гипостазирование отвлеченных представлений, психических настроений, бессознательно сложившихся отношений в самодовлеющие надындивидуальные субстанции — реальности, подминающие себе их творца, определяющие и направляющие его волю. В атмосфере непроницаемого фетишизма человек, которому в этой "реальности" принадлежит все от и до, волей которого в пестром ходе истории постепенно созданы все нюансы этой трепещущей, вечно движущейся "реальности", теперь сам ее первая жертва»[63].

Это соображение роднит отрицание Боровым государственности с его антирелигиозным пафосом. Религиозное мировоззрение Боровой обозначает как «исповедание конечного пассивизма, независимо от того, есть ли пассивизм свободный органический продукт нашей жизни в духе или чисто внешняя обусловленность чувством страха»[64], а анархическое мировоззрение называет «арелигиозным по существу мировоззрением, [которое] борется со всеми формами и пережитками фетишизма в человеческом обществе»[65]. В своей работе «Рассуждения о религии» Боровой утверждает, что религиозное по своей природе мировоззрение далеко не всегда связано с неким вероисповеданием, зато всегда предполагает «отказ личности от сознания себя... утверждение себя лишь в качестве части общего единства», следовательно, «вынуждает к пассивности и бесплодному резонерству»[66]. Таким образом, не только государство, но и производные от него религия, мораль, законодательство объявляются Боровым «общественными фетишами», опасность которых состоит именно в их претензии на безапелляционный абсолют и самодостаточность по отношению к человеческой личности. Стоит повториться, что это не относится к социальным регуляторам как таковым — поскольку, как мы укажем позже, Боровой предлагает для них качественно другое основание, чем государство.

Не меньший скепсис, чем к обществу, в котором отношения регулируются нормами, гарантированными институтами государственного насилия, «анархо-гуманизм» проявляет и к «естественному состоянию». «Микробы власти рассеяны на всех исторических ступенях человеческого общежития... Легенды о "золотом веке"... давно пали»[67], — пишет Боровой,

---

[63] *Боровой А. А.* Власть. Анархия и Власть // Наука. 1992. С. 154.
[64] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 138 «Рассуждения о религии», 1920 г. Л. 2.
[65] *Боровой А. А.* Власть. Анархия и Власть. С. 156.
[66] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 138 «Рассуждения о религии», 1920 г. Л. 9.
[67] *Боровой А. А.* Бакунин // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. С. 152.

обращаясь к началам человеческой психологии, которая уже в своем зачатке проявляет так называемую волю к власти. Лечение в данном случае заключается в переходе к анархическому праву, конвенциональному по своей природе — основанному на добровольном согласии каждого из участников процесса освобождения человеческой индивидуальности.

Признавая, что подобный переход невозможен без радикального изменения всей системы социальных отношений, Боровой вместе с тем замечает, что достижение нового анархического порядка вовсе не означает устранения предшествующих завоеваний политической эволюции человечества. «Да, именно на почве стремления государства поглотить личность, сковать ее волю и акты своими санкциями вырастает бунт анархизма, — указывает Боровой и тут же уточняет: — Мы не знаем ни одного человеческого общества (задолго до образования государств), которое бы не было известным правопорядком. Совместная жизнь требует известных правил, но правила эти могут быть различны»[68]. Проблема, по мнению Борового, заключается в том, что носители правил (или вообще институты, отражающие наличие этих правил) переходят к эссенциальному, самодовлеющему существованию, в то время как «все внешние организации, загромождающие наш мир... создаются исключительно в хозяйственных целях»[69] и не должны пересекать именно этой утилитарной черты.

С этих позиций Боровой критикует и такие элементы современного ему государства, как репрессивная по своей природе судебная система и связанное с ней ангажированное «правосудие», прикрывающиеся абстрактной формулой «общего блага». «Нет того гнусного произвола, нет того тяжкого угнетения, которое бы не покрывалось широкой эластичной формулой общего блага. Под этим лозунгом самые разнообразные режимы проводили исключительные меры, чрезвычайные и военные суды и комиссии, административные ссылки, изгнания», — пишет Боровой, утверждая, что и суд, и полиция, и тюрьмы, и тем более цензура поочередно ограничивают человеческие и политические свободы под видом блага для всего общества (которое вне анархических принципов и недостижимо), а на деле — для поддержания политического господства самого государства. В этой части анархический проект Борового максимально гуманистичен — однозначный приговор он выносит смертной казни («если суд вообще претит развитому человеческому сознанию, то наказание смертью, несомненно, по ту сторону всего человеческого»[70]) — и последователен: даже в сфере регулирования культурно-просветительских вопросов он выступает против какого-либо администрирования сверху, утверждая, что «борьба с грязью и дурным вкусом должна быть предоставлена не цензуре, а просвещению»[71].

---

[68] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 140.

[69] Там же. С. 37.

[70] РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 2 «Порочный круг» (7 июня — 5 июля 1918 года).

[71] Там же. Ед. хр. 69. «Правда в искусстве и буржуазная мораль (письмо из Парижа)» (8 августа 1911 года).

При этом Боровой не впадает в утопические мечты о «земном сверхправном рае»[72], исключающем «надобность каких-либо мер понуждения и вообще психического давления и даже самую возможность существования соответствующего права», и высказывает готовность применять средства для защиты этого регулятора общественных отношений: «Как всякое право, оно должно быть и будет защищаемо. Но конкретные формы этой защиты наперед указаны быть не могут. Они будет определены реальными потребностями анархической общественности»[73].

Вместе с тем Боровой указывает на объективную необходимость общественного согласия, которое может быть достигнуто на базе консолидированного синдикализма. Основой последнего, переродившегося из современных капитализму форм пролетарской самоорганизации, могут стать следующие положения:

— приоритет «активизма» над теорией и идеологемами;
— свобода творческого самоутверждения;
— автономия личности в пределах классовой организации.

При таких условиях синдикализм, сохраняющий некоторые властные параметры и тягу к лидерской компоненте внутри механизмов самоорганизации, способен выполнять свою главную задачу — задачу перехода к следующей стадии анархистской революции. Фетишизация синдикализма, как замечает Боровой, губительна и опасна: она в состоянии затормозить революцию и приостановить общественный прогресс, подобно «социалистическому самодержавию» большевиков.

Таким образом, даже при наличии синдикалистского начала индивиды «нового времени» должны быть максимально свободны в процессе принятия решений, в том числе относящихся к правовому порядку и межличностной деятельности. «Анархизм — не мечтательный, но действительный, стремящийся дать живой, реальный выход бунтующему против насилия человеческому духу, — пишет индивидуалист Боровой, — не должен говорить о фикциях, например об “абсолютной”, никем и ничем “не ограниченной” свободе, отсутствии долга, совершенной безответственности и пр.»[74]. Решением этого возникающего, на первый взгляд, противоречия и становится установление конвенциональных правил, пользующихся общей поддержкой и признанием: «Ни по духу, ни по форме оно не будет походить ни на законодательство современного буржуазного государства, ни на “декреты” социалистической диктатуры. Это “право” не будет вдохновляться идеей растворения личности в целом... не будет изливаться благодетельным потоком сверху... Оно будет органическим порождением беспокойного духа, почувствовавшего в себе силу творца и жаждущего своим творческим актом выразить искания свои в реальных, доступных человечеству формах»[75].

---

[72] Здесь он критикует позиции Льва Петражицкого.

[73] *Боровой А. А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. Пг.; М., 1920. С. 95.

[74] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 146.

[75] Там же.

Можно заметить, что, критикуя государственные формы власти, политики и права, Боровой при этом констатировал, что анархизм признает и «организацию», и «порядок», однако базирующиеся не на «власти» как специфическом феномене и «природном инстинкте» человека[76], а на добровольном согласии и консенсусе каждого из участников. Человеческому обществу свойственно стремление к упорядоченности и соблюдению правил совместного существования; как и свойственно это направленной к высоким целям деятельности анархистов, которые тоже собираются в дисциплинированную организацию. «Исполнение распоряжений добровольно избранного для определенных целей и на определенные сроки начальника — старшего товарища — необходимо. Отсутствие добровольного подчинения парализует действие. Дисциплина в свободной организации есть добровольное согласование индивидуальных усилий, направленных к общей цели», — описывает Боровой представления Бакунина, подчеркивая стремление развить этот тезис и адаптировать его для цели «освобождения личности»[77].

Применяя к теории Борового привычные критерии классификации правовых концепций, можно считать его «анархо-гуманизм» в целом тяготеющим к социально-психологической концепции права, представленной такими российскими исследователями, как Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, А. С. Ященко и др. «Суть права, — пишет Боровой, — не в канцелярских бумагах, а в сознании людей»[78]. Именно в такой конфигурации, противопоставляемое легизму, оно, не зафиксированное и не отраженное в привычных и возникших из насилия институтах, право, основанное на личном убеждении и согласии многих, право, признающее «справедливость притязаний, как личности, так и общественного класса на полный продукт их творчеств»[79], должно быть устроено согласно анархическому, внегосударственному началу общественного согласия.

В подтверждение подобной позиции Боровой обращается к творчеству немецкого правоведа Р. Штаммлера, выступавшего с тезисом о том, что мысль о существовании естественной гармонии вне правового регулирования нелепа; вместо этого есть плод деятельности людей и предложения ими созданных самостоятельным образом правил: «В любом соглашении между людьми уже находится сама по себе известная модификация и известное регулирование естественной жизни каждого отдельного человека»[80]. В случае если это регулирование базируется на установленных посредством повседневных соглашений «конвенциональных правилах», право сжимается именно до границ этих положений, и, как

[76] *Боровой А. А.* Михаилу Бакунину (1876–1926): Очерки истории анархического движения в России. С. 152.

[77] Там же. С. 28.

[78] Цит. по: *Ударцев С. Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. С. 468 (*Боровой А. А.* Писанные и неписанные законы // Рассвет. 1925. 10 марта. С. 2).

[79] *Боровой А. А.* Революционное творчество и парламент. М., 1917. С. 82.

[80] *Боровой А. А.* Анархизм. С. 129.

указывает сам Боровой, «это право не отрицается ни одним из наиболее выдающихся представителей анархистской мысли, ибо ни само существование общественной организации, ни ее технический прогресс невозможны без определенного регулирования общественных отношений»[81].

В свою очередь, именно невозможный без регулирования социальных связей технический прогресс, по мнению Борового, и является одновременно базовым инструментом для политико-правовой эволюции общества[82], основанной на началах анархо-гуманизма[83]. Подобный тезис звучит особенно актуально применительно к сегодняшнему дню, когда политическая коммуникация, главным образом за счет технических возможностей, выходит на принципиально новый уровень. «Сетевые технологии» создают благоприятные условия для развития «прямой демократии», которая, в свою очередь, существенно сокращает дистанцию между представительными институтами государства и индивидом, который доселе был исключен из реального принятия политических решений. Данная тенденция, внося свой вклад в «торжество личности», способствует формированию действительно открытой среды, связанной с отношениями принципиального равноправия субъектов.

Самостоятельное нахождение конвенциональных правил, равноправие и открытость обсуждения «повестки дня» — все это объединяет наследие А. А. Борового с современным поиском оптимальных политико-правовых решений.

Заключение. Текущий политический процесс дает достаточно поводов для регулярного обращения к истории политических и правовых учений. Либеральные по своей природе требования движения *Occupy*, социалистические идеалы Латинской Америки, консервативный квазиренессанс, переживаемый в настоящее время Россией, и неожиданный «правый поворот» Запада, — каждое из этих явлений заставляет возвращаться к фундаментальным трудам различных социально-философских школ и течений. Тем удивительнее, что по сей день без достаточного внимания остается анархизм, и в особенности анархизм отечественный, ведь в условиях все большего числа непризнанных государств, международных конфликтов, а также очагов локальной политической напряженности анархистские воззрения на власть обретают новую актуальность[84].

---

[81] Там же. С. 140.

[82] Можно считать, что этот момент в политико-правовых воззрениях А. А. Борового является ключевым для преодоления обозначенного нами ранее парадоксального конфликта «соглашательского» начала и революционного духа как новой формы анархо-гуманистического сознания: очевидно, что коррекцию общественного поведения, общественных ценностей и ролей анархо-гуманист Боровой рассматривал не только как результат влияния революций, но и в более объемном горизонте — как результат человеческой эволюции, инструментом и орудием которой оказываются порой революционные всплески.

[83] А именно: развития личности, индивидуального и коллективного сознания, культуры, максимально возможного расширения и защиты прав и свобод человека, его способностей, творчества и инициативы, содействующих развитию свободного общества.

[84] *Силаев Н.* Возвращение варварства: государство устарело? // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. С. 154.

Кроме того, нельзя не отметить, что работа с материалами, посвященными анархизму, позволяет выйти за пределы традиционной триады «либерализм — консерватизм — социализм» и изучать политическую и правовую теорию в более фундаментальном и плодотворном ключе. Проблемы свободы личности, внегосударственных политических проектов, природы права и нормативных установлений — все это ярко представлено в анархических концепциях.

В данных условиях серьезной задачей представляется исследование ключевых фигур этого направления, незаслуженно обойденных вниманием ученого сообщества, — таких как А. А. Боровой (1875–1935).

Изучение его наследия позволяет сделать однозначный вывод о том, что идеи анархической организации общества по сей день сохраняют злободневность уже в силу вышеуказанных кризисных явлений. Боровой предстает как независимый теоретик, создатель собственной концепции анархогуманизма, осмеливающийся синтезировать подчас противоречащие друг другу идеи, а не как эпигон Бакунина или Кропоткина. Пересмотр традиционных анархических доктрин, критика парламентаризма и представительной демократии, конструктивно-скептическое отношение к правовым явлениям и широкий взгляд на природу и роль государства любопытно укладываются в его объемную теорию анархизма. Характеризуемая также повышенным вниманием к психологическим аспектам конструирования социальных категорий, она представляет собой ценный вклад в развитие анархической философии, да и науки в целом. Борового по праву можно назвать славным продолжателем российской анархической традиции и поставить если не в один ряд, то сразу за упомянутыми великими классиками. Осуществив поворот к личности с одновременным обнаружением неразрешимости ее противоречия с обществом, он действительно обозначил новые горизонты в исследованиях социальных феноменов. Порой создается впечатление чрезмерной эклектичности и бессистемности взглядов Борового, но, как писал изучаемый им Ж.-Ж. Руссо, «я предпочитаю быть человеком с парадоксами, чем человеком с предрассудками»[85].

И анархо-синдикализм, и анархо-индивидуализм в интерпретации Борового способны серьезно обогатить имеющиеся дискуссии по вопросам политико-правовой философии. Феномен анархо-индивидуализма, к которому на раннем этапе своего творчества сильно тяготел А. А. Боровой и ярчайшим представителем которого в России он по сей день является, сегодня вызывает повышенный интерес. На рубеже веков информационно-техническая революция резко трансформировала прежние представления о плюралистическом участии или представительной демократии[86], а индивидуалистические теории снова обретают актуальность в концепциях объективизма и либертарианства, все более усиливающих свои культурные

[85] *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения / под ред. Г. Н. Джибладзе; сост. А. Н. Джуринский (Педагогическая библиотека). Т. 2. М., 1981. С. 87.

[86] *Володенков С. В., Зверев А. Л., Кузнецов И. И., Сетов Н. Р., Телин К. О.* Представительная демократия и парламентские учреждения в современном мире: состояние и тенденции. 2-е изд. М., 2014.

и политические позиции. Открытый для критики с самых разных сторон капитализм наращивает идеологическое брожение, дающее мощный импульс квазирелигиозным идеям романтического «освобождения». Агрессивная индивидуализация политики или интерпретация гражданина как клиента также пересекаются с традиционными тезисами индивидуалистического анархизма и вместе с параллельным процессом все более широкого и детального регулирования общественной жизни со стороны государства повышают потребность в изучении антиэтатистских идей.

Более того, как отмечают исследователи, сама «проблема легитимности государственной власти стоит в современном обществе не менее остро, чем сто лет назад»[87], а это значит, что поиск и изучение альтернативных социальных конструкций должны быть продолжены как в сфере политико-правовой теории, так и в актуальной политической практике. Именно такой поиск и стал личным кредо для человека, мыслителя и анархиста Алексея Алексеевича Борового: «Жить — значит искать; искания должны кончиться только смертью»[88].

Литература

Аладышкин И. В. Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX — первой декады XX века (на материалах гг. Москва и Санкт-Петербург): дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 2006. 284 с.

Белькович Р. Ю. Анархо-индивидуализм в политико-правовой мысли США XIX — начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Р. Ю. Белькович. М., 2009. 162 с.

Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.

Боровой А. А. Анархизм. М.: Либроком, 2011. 169 с.

Боровой А. А. Власть. Анархия и Власть. М.: Наука, 1992. 174 с.

Боровой А. А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. Пг.; М.: Голос труда, 1920. 104 с.

Боровой А. А. Михаилу Бакунину (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России: сб. статей. М.: Голос труда, 1926. 340 с.

Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом // Человек. 2010. № 3. С. 137–153.

Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М.: Идея, 1906. 94 с.

Боровой А. А. Проблемы личности в учении Кропоткина // Петр Кропоткин: сб. ст. / под ред. А. Борового, Н. Лебедева. Пг.; М.: Голос труда, 1922. 250 с.

Боровой А. А. Революционное миросозерцание. М.: Логос, 1907. 86 с.

Боровой А. А. Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм). 2-е изд. М.: Союз труда, 1917. 84 с.

Боровой А. А., Отверженный Н. Миф о Бакунине. Пг.; М.: Голос труда, 1925. 192 с.

[87] *Белькович Р. Ю.* Анархо-индивидуализм в политико-правовой мысли США XIX — начала XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

[88] *Боровой А. А.* Революционное миросозерцание. С. 7.

Володенков С. В., Зверев А. Л., Кузнецов И. И., Сетов Н. Р., Телин К. О. Представительная демократия и парламентские учреждения в современном мире: состояние и тенденции. 2-е изд. М., 2014. 128 с.

Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. М.: Наука, 1989. 256 с.

Махно Н. И. Воспоминания. Книга II. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936. 97 с.

Олейников Д. И. Анархо-гуманизм Алексея Борового // Община. 1991. № 49. С. 4–6.

Рублев Д. И., Рябов П. В. Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 221–229.

Рябов П. В. Алексей Алексеевич Боровой и Александр Иванович Герцен. Прямухинские чтения 2012. М.: Футурис, 2013. С. 170–191.

Рябов П. В. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век. 2010. № 2, ч. 2. С. 217–225.

Рябов П. В. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонианства) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 6. С. 24–23.

Рябов П. В. «Былое и думы» Алексея Борового // Человек. 2010. № 3. С. 137–152.

Рябов П. В. Музыка в миросозерцании Борового. Прямухинские чтения 2010. М.: Футурис, 2012. С. 40–64.

Рябов П. В. Проблема личности в философии классического анархизма: дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. URL: http://www.dissercat.com/content/problema-lichnosti-v-filosofii-klassicheskogo-anarkhizma. (дата обращения: 15.05.2016).

Рябов П. В. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник. 2011. М.: ИФ РАН, 2012. № 1, С. 416–435.

Рябов П. В. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А. А. Борового // Кантовский сборник. 2010. № 4. С. 9–104.

Рябов П. В. Философия постклассического российского анархизма — terra incognita // Преподаватель XXI Век. 2009. № 3. С. 289–298.

Рябов П. В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А. А. Борового в РГАЛИ // Культурология. 2009. № 1. С. 112–126.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.

Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения / под ред. Г. Н. Джибладзе; сост. А. Н. Джуринский (Педагогическая библиотека). Т. 1. М.: Педагогика, 1981. 656 с.

Силаев Н. Ю. Возвращение варварства // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. С. 152–161.

Шубин А. В. Анархия работает. М.: Common place, 2015. 190 с.

Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. 498 с.

Архивные материалы

РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 2–4.
РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 69.
РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 87.
РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 138.

References

Aladyshkin I. V. *Anarkho-individualizm v srede otechestvennoi intelligentsii vtoroi poloviny XIX — pervoi dekady XX veka (na materialakh gg. Moskva i Sankt-Peterburg).* Dis. kand. urid. nauk [*The Individualist Anarchism Among Russian Intellectuals in the Second Half of the 19th Century (based on Moscow and St. Petersburg materials).* A thesis for a degree in law]. Ivanovo, 2006. 284 p. (in Russian)

Bel'kovich R. Yu. *Anarkho-individualizm v politiko-pravovoi mysli SShA XIX — nachala XX veka.* Dis. kand. urid. nauk [*The Individualist Anarchism in the US Political and Legal Thought in the 19th — early 20th centuries*: A thesis for a degree in law]. Moscow, 2009. 162 p. (in Russian)

Berdyaev N. A. *Russkaia ideia* [*The Russian Idea*]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 320 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Anarkhizm* [*Anarchism*]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 169 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Vlast'. Anarkhiia i Vlast'* [*Power. Anarchy and Power*]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 174 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Lichnost' i obshchestvo v anarkhistskom mirovozzrenii* [*Individual and Society in the Anarchist Worldview*]. Petrograd, Moscow, Golos Truda Publ., 1920. 104 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Mikhailu Bakuninu (1876–1926). Ocherki istorii anarkhicheskogo dvizheniia v Rossii: sb. statei* [*To Michael Bakunin (1876–1926): An Outline of the History of Anarchist Movement in Russia: Collection of Articles*]. Moscow, Golos Truda Publ., 1926. 340 p. (in Russian)

Borovoi A. A. Moia zhizn'. Vospominaniia. Glava VII. Kak ia stal anarkhistom [My Life. Memoirs. Chapter VII. How I Became an Anarchist]. *Chelovek*, 2010, no. 3, pp. 137–153. (in Russian)

Borovoi A. A. *Obshchestvennye idealy sovremennogo chelovechestva. Liberalizm. Sotsializm. Anarkhizm* [*Social Ideals of the Modern Humanity. Liberalism. Socialism. Anarchism*]. Moscow, Ideya Publ., 1906. 94 p. (in Russian)

Borovoi A. A. [The Problems of Individual in Kropotkin's Doctrine]. *Petr Kropotkin: sb. st.* [*Petr Kropotkin. Collection of Articles*]. Eds A. Borovoi, N. Lebedev. Petrograd, Golos Truda; Moscow, Golos Truda Publ., 1922. 250 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Revoliutsionnoe mirosozertsanie* [*Revolutionary Worldview*]. Moscow, Logos Publ., 1907. 86 p. (in Russian)

Borovoi A. A. *Revoliutsionnoe tvorchestvo i parlament (revoliutsionnyi sindikalizm)* [*Revolutionary Creativity and Parliament (Revolutionary Syndicalism)*]. 2nd ed. Moscow, Soyuz Truda Publ., 1917. 84 p. (in Russian)

Borovoi A. A., Otverzhenny N. *Mif o Bakunine* [*The Bakunin Myth*]. Petrograd, Moscow, Golos Truda Publ., 1925. 192 p. (in Russian)

Volodenkov S. V., Zverev A. L., Kuznetsov I. I., Setov N. R., Telin K. O. *Predstavitel'naia demokratiia i parlamentskie uchrezhdeniia v sovremennom mire: sostoianie i tendentsii* [*The Future of Representative Democracy and Parliamentarian Institutions in the Modern World and in Russia*]. Moscow, 2014. 128 p. (in Russian)

Mamut L. S. *Etatizm i anarkhizm kak tipy politicheskogo soznaniia. Domarksistskii period* [*Statism and Anarchism as Types of Political Beliefs. The Pre-Marksist Period*]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 256 p. (in Russian)

Makhno N. I. *Vospominaniia. Kniga II. Pod udarami kontrrevoliutsii* [*Memoirs. Book II. Under the Blows of the Counterrevolution*]. Paris, 1936. 97 p. (in Russian)

Oleynikov D. I. Anarkho-gumanizm Alekseia Borovogo [The Anarcho-Humanism of A. Borovoi]. *Obshchina*, 1991, no. 49, pp. 4–6. (in Russian)

Rublev D. I., Ryabov P. V. Aleksei Alekseevich Borovoi: Chelovek, myslitel', anarkhist [Alexei Borovoi: The Man, the Thinker, the Anarchist]. *Rossiia i sovremennyi mir* [*Russia and the Modern World*], 2011, no. 2, pp. 221–229. (in Russian)

Ryabov P. V. *Aleksei Alekseevich Borovoi i Aleksandr Ivanovich Gertsen. Priamukhinskie chteniia 2012* [*Alexei Borovoi and Alexander Herzen. Pryamukhino Readings 2012*]. Moscow, Futuris Publ., 2013, pp. 170–191. (in Russian)

Ryabov P. V. Aleksei Borovoi i filosofiia Fridrikha Nitsshe (iz istorii russkogo nitssheanstva v nachale KhKh veka) [Alexei Borovoi and the Philosophy of Friedrich Nietzsche (From the History of Russian Nietzscheism in the Early 20th Century)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2010, no. 2, ch. 2, pp. 217–225. (in Russian)

Ryabov P. V. Anarkhicheskaia filosofiia Alekseia Borovogo (iz istorii russkogo bergsonianstva) [The Anarchist Philosophy of Alexei Borovoi (From the History of Russian Bergsonism)]. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2010, no. 6, pp. 24–23. (in Russian)

Ryabov P. V. "Byloe i dumy" Alekseia Borovogo ['My Past and Thoughts' of Alexei Borovoi]. *Chelovek*, 2010, no. 3, pp. 137–152. (in Russian)

Ryabov P. V. *Muzyka v mirosozertsanii Borovogo. Priamukhinskie chteniia 2010* [*Music in Borovoi's Worldview, Pryamukhino Readings 2010*]. Moscow, Futuris Publ., 2012, pp. 40–64. (in Russian)

Ryabov P. V. *Problema lichnosti v filosofii klassicheskogo anarkhizma*. Dis. kand. urid. nauk [*The Problem of Individual in the Classical Anarchist Philosophy: a thesis for a degree in law*]. Moscow, 1996. Available at: http://www.dissercat.com/content/problema-lichnosti-v-filosofii-klassicheskogo-anarkhizma (accessed: 15.05.2016). (in Russian)

Ryabov P. V. Romanticheskii anarkhizm Alekseia Borovogo (iz istorii russkoi filosofii zhizni) [The Romantic Anarchism of Alexei Borovoi (From the History of Russian Philosophy of Life)]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [*History and Philosophy Yearbook 2011*]. Moscow, IF RAN Publ., 2012, no. 1, pp. 416–435. (in Russian)

Ryabov P. V. Rossiiskoe kantianstvo i neokantianstvo nachala XX veka v neopublikovannykh memuarakh A. A. Borovogo [The Russian Kantianism and neo-Kantianism in the Early 20th Century from the Unpublished Memoirs of Alexey Borovoi]. *Kantovskii sbornik* [*The Kantian Collection*], 2010, no. 4, pp. 9–104. (in Russian)

Ryabov P. V. Filosofiia postklassicheskogo rossiiskogo anarkhizma — terra incognita [Philosophy of Postclassical Russian Anarchism — Terra Incognita]. *Prepodavatel' XXI Vek,* 2009, no. 3, pp. 289–298. (in Russian)

Ryabov P. V. Khorosho zabytoe staroe: obzor arkhivnogo fonda A. A. Borovogo v RGALI [The Well-Forgotten Thoughts: Review of A. Borovoi's Archives in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)]. *Kul'turologiia* [*Culturology*], 2009, no. 1, pp. 112–126. (in Russian)

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [*The Social Contract. Treatise*]. Transl. from French. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole Publ., 1998. 416 p. (in Russian)

Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniia* [*Educational Works*]. Ed. by G. N. Dzhibladze; comp. by A. N. Dzhurinsky. (Educational Library). Vol. 1. Moscow, Pedagogika Publ., 1981. 656 p. (in Russian)

Silaev N. Yu. Vozvrashchenie varvarstva [The Return of Barbarism]. *Rossiia v global'noi politike* [*Russia in the Global Policy*], 2014, no. 5, pp. 152–161. (in Russian)

Shubin A. V. *Anarkhiia rabotaet* [*Anarchy Does Work*]. Moscow, Common Place Publ., 2015. 190 p. (in Russian)

Udartsev S. F. *Politicheskaia i pravovaia teoriia anarkhizma v Rossii: istoriia i sovremennost'.* Dis. doct. urid. nauk [*Political and Legal Theory of Anarchism in Russia:*

History and the Present State. A doctorate thesis for a degree in law]. Moscow, 1992. 498 p. (in Russian)

Archive Materials

RGALI. Fund No. 1023. Inventory List 1. Archival Units 2–4.
RGALI. Fund No. 1023. Inventory List 1. Archival Unit 69.
RGALI. Fund No. 1023. Inventory List 1. Archival Unit 87.
RGALI. Fund No. 1023. Inventory List 1. Archival Unit 138.